

Десять с лишним лет назад русалки часто ловили рыбу неподалеку от деревни, да и женский пол, и все эти знакомые детали, сплетаясь воедино, сдавили грудь Снина так, что стало трудно дышать.

Он процедил сквозь зубы:

— У той русалки было имя?

Он постоянно убеждал себя в глубине души, что, пока не услышит имя той русалки, ни в коем случае нельзя делать поспешных выводов. Это не должна быть... не должна быть его мать.

Семья Снина раньше жила на северной окраине деревни, поодаль от остальных, так что их почти не было видно. Но мать, опасаясь, что русалки могут нагрянуть в деревню, всегда уходила подальше, чтобы ловить рыбу и искать жемчуг, стремясь обеспечить семье достойную жизнь. Они скрывались и от людей, и от русалок. Долгое время у Снина совсем не было друзей, он жил в одиночестве и тоске. Именно поэтому он так легко принял эту деревню.

— Кто знает, кто ж теперь скажет? Когда ту русалку поймали, она сразу... — пробормотала мать Линка, а затем повернулась к Снину: — Чего ты испытываешь? Та русалка в любом случае уже мертва!

Линк приподнялся. Его нога была ранена, передвигаться было трудно, и оттого он был раздражителен:

— Снин, зачем ты столько спрашиваешь? Эти русалки — отродья зла! Когда в деревне пропадал скот, когда у людей без причины болели животы и случались всякие странности — всё это, несомненно, проделки русалок! — Он перевел дух, лицо его было бледным. — Видишь, я ранен — разве это не их рук дело?

Снин смотрел на Линка, в глазах его было лишь разочарование.

Лжец. Ты просто хотел нажиться, решил поймать русалку, а в итоге сам же от неё и пострадал.

Он открыл рот, желая возразить, но слова застряли в горле.

Больше никто не обращал на Снина внимания — им нужно было как можно скорее разобраться с убытками, которые принесли русалки.

— Юэке, разве не вы поймали ту русалку? — старик закашлялся, его лицо стало ещё мрачнее.
— Есть ли у вас способ покончить с этими вредителями раз и навсегда?

Не успел он закончить, как толпа расступилась, и вышел мужчина средних лет. На его

надбровной дуге виднелись два шрама, словно от когтей. Лицо его было землисто-желтым и выглядело нездоровым. Он был одет в грубую домотканую одежду, а руки прятал в рукавах, словно страдал от сильного холода, хотя на дворе стояла весна.

— Способ-то у меня есть, — Юэке снова закашлялся, его глаза, подобные глазам хищной птицы, были мутными и темными, а голос — сухим и хриплым. — Но вы уверены, что хотите пойти на это?

Они ведь видели, какая участь постигла тех дворян — всех их утащили в пучину, и, возможно, они уже стали кормом для акул.

Старик стиснул зубы, обвел взглядом односельчан и громко воскликнул:

— Пока мы не истребим этих тварей, покоя нам не видать!

Синин огляделся. Добродушные прежде старик и тетушка теперь выглядели свирепы. Те самые люди, которые заботились о нем, подкармливали яйцами и приносили одежду, теперь казались охваченными чем-то темным, скрывшим их доброту и простоту. Всё, что он видел теперь — это тьма.

— Страшно, правда? — холодный голос Эдриана раздался за спиной Синина, словно лунный свет — такой же ледяной и отстраненный. — Кажется, они совсем не те люди, которых ты привык видеть каждый день?

Синин резко обернулся:

— Это ты? Это ты что-то подстроил?

В его глазах читался ужас — страх перед тем, что должно было произойти.

Эдриан усмехнулся:

— Я ничего не делал. Это лишь истина, которую раньше скрывала пелена с твоих глаз.

Он замолчал, его взгляд сместился и упал на Саймуэля, в глазах отразилась сложная гамма чувств. Спустя мгновение он тихо вздохнул. Эдриан подошел и мягко обнял Саймуэля за плечи. Его длинные серебристые волосы ниспадали, превращаясь в глазах Саймуэля в тонкий, ослепительно яркий поток света.

Саймуэль опустил взгляд и спросил Эйса:

— Что случилось?

— Ты действительно ждал меня здесь.

Эдриан закусил губу, мягко коснулся щеки Саймуэля, издав едва уловимый, глухой звук, похожий на вздох:

— Ты не ушел. Как хорошо.

Саймуэль провел пальцами по бровям и глазам Эйса, вглядываясь в лицо русала. Его взгляд мерцал — он чего-то не понимал. Их отношения с Эйсом были странными. Он всего лишь добыча, так почему же хозяин этой добычи так зависит от неё? Ведь он мог в любой момент его растерзать. Выражение лица Эйса было странным, да и собственные чувства Саймуэля казались ему непонятными.

— Эйс, каким ты видишь меня на самом деле? — тихо произнес Саймуэль, его голос прозвучал как легкий ветерок, готовый вот-вот растаять.

Эдриан не расслышал — голос Саймуэля утонул в шуме толпы, и ответить он не смог.

Саймуэль подавил странное чувство в груди и похлопал Эйса по плечу, указывая на сельчан.

— Десять с лишним лет назад, когда я поймал ту русалку, я нашел на ней вот это, — Юэке достал из-за пазухи некое подобие ожерелья из грубой веревки, на которой болтались жемчужина и чешуйка. — Это должно быть вещью русалки.

Он бросил взгляд на односельчан и неторопливо продолжил:

— Мы можем использовать это, чтобы выманить остальных, а затем вылить на воду масло и поджечь его, чтобы сжечь всех русалок дотла.

Синин уставился на предмет в руках Юэке, его словно ударило по голове — внутри будто что-то взорвалось. Эту вещь он сделал для своей матери сам, используя жемчужину, которую она нашла, и выпавшую чешуйку.

— Юэке, жемчужина на нем наверняка стоит кучу денег! Почему ты столько лет не показывал её? Неужели у той русалки, что ты поймал, было что-то ещё?

Это был один из деревенских парней, лодырь, который давно завидовал жемчужине Юэке. Он знал, что в городе за неё можно выручить немало, и считал, что Юэке просто озолотился!

— Хм, с какой стати мне её показывать? Раз я поймал русалку, то и вещи по праву принадлежат мне!

Юэке усмехнулся. Он крепко сжал ожерелье, на лбу вздулись вены, а всё тело напряглось, как натянутый лук. Он был готов драться насмерть с каждым, кто позарится на его добычу.

— Когда ты был бедняком и куска хлеба не имел, кто тебя кормил? Деревенские! А теперь ты ведешь себя как неблагодарная собака!

Кто-то начал припоминать старые обиды, встав на позицию моралиста, хотя на самом деле их волновала лишь жемчужина.

— Кормили меня? Смешно, — усмешка Юэке стала ещё более зловещей. Он тяжело дышал, охваченный гневом. — Миска жидкой каши или соленья, ни кусочка мяса. Если бы не я...

Он внезапно замолчал, глаза забегали — он испугался, что сболтнул лишнее. Когда-то он был нищим, порой голодал, и деревенские делились с ним лишь самой скудной едой. Он затаил обиду и по ночам, когда никто не видел, воровал скот и вяленую рыбу. Когда люди начали что-то подозревать, он испугался разоблачения. И тут он заметил русалку, которая ежедневно ловила рыбу недалеко от деревни. План созрел мгновенно — он нашел себе идеального козла отпущения. Это он отравил колодец и подстрекал жителей, а затем, как само собой разумеющееся, поймал русалку.

Эдриан, наблюдая за бегущим взглядом Юэке, тихо рассмеялся:

— Твоя мать погибла от рук этих сельчан. Твой отец знал об этом, иначе почему, по-твоему, он позволил тебе присоединиться к нам?

Синин прикрыл рот дрожащей рукой, у него не осталось сил:

— Отец знал?

Он вспомнил, как отец сходил с ума, как в последние годы не выходил из дома, не общался с людьми и даже ему запрещал покидать порог.

— Юэке просто немного обманул жителей, и они тут же свалили всю вину на русалок.

Саймуэль тоже заметил неуверенность Юэке и догадался, что все эти странности тот подстроил сам, а русалка стала лишь несчастной жертвой. При этой мысли в его спокойных глазах промелькнула рябь, а взгляд, брошенный на Синина, наполнился сочувствием.

Эдриан смотрел на кричащих до хрипоты сельчан, в его изумрудных глазах сквозила тьма и

жуткая холодность:

— Думаешь, твою мать погубило невежество и гниль этих людей? Или их жадность? Не совсем так.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки, его спина выпрямилась, словно высокая стена. В уголках глаз Эдриана читалась насмешка:

— Это глубокая пропасть между русалками и людьми, их предрассудки и пренебрежение. Они никогда не считали нас, русалок, равными себе существами, — его взгляд скользнул по Саймуэлю, на миг задержавшись на его лице с проблеском нежности, которая тут же погасла. — Даже эти сельчане.

Синин оцепенело смотрел на Эдриана, не в силах возразить.

— Поэтому, пока эти предрассудки не исчезнут, твоя любовь к человеку никогда не принесет плодов.

У Эдриана на душе стало горько, и он сам не знал, для кого предназначались эти слова.

В сердце Саймуэля странное чувство лишь усилилось. Он подошел к Эдриану, губы его дрогнули, но слов не нашлось. С позиции того, кто должен убить короля русалок, у него не было права говорить. Но почему-то... ему хотелось утешить этого русала, хотелось, чтобы на его лице больше не было такой печали.

Саймуэль протянул руку, взял Эдриана за ладонь и нежно переплел с ним пальцы.

<http://bllate.org/book/18653/1797872>